

<https://doi.org/10.17059/udf-2022-3-3>

УДК 325.1

JEL O15,F22

СОВРЕМЕННЫЕ МИГРАЦИОННЫЕ ТРЕНДЫ В РЕГИОНЕ СЕВЕРО-ВОСТОЧНАЯ АЗИЯ И НА РОССИЙСКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ¹

Е. В. Гамерман

Институт комплексного анализа региональных проблем Дальневосточного отделения РАН
(г. Биробиджан, Россия)

<https://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

Автор для корреспонденции: Е. В. Гамерман (egamerman@mail.ru)

Аннотация. Цель данной работы является анализ современных миграционных тенденций, присущих странам Северо-Восточной Азии на современном этапе. В условиях пандемии, а затем и начала жесткой фазы конфронтации между Россией и западными странами отдельные миграционные тренды претерпели изменения. В рамках данного исследования были использованы компаративистский и исторический подходы, которые дали возможность проанализировать особенности формирования миграционной повестки в регионе, а также того, как трансформировались в последние годы миграционные потоки в разных странах. В рамках данной работы автор приходит к выводу, что абсолютно все страны региона на сегодняшний день остро нуждаются в мигрантах, создают для их привлечения условия и включают в международную борьбу за трудовые ресурсы.

Ключевые слова: миграция, Северо-Восточная Азия, Дальний Восток, Китай, Япония, Республика Корея, Тайвань

Current Migration Trends in Northeast Asia and the Russian Far East

E. V. Gamerman

Institute for Comprehensive Analysis of Regional Problems of the Far Eastern Branch of RAS
(Birobidzhan, Russia),

<https://orcid.org/0000-0003-0225-0030>

Corresponding author: E. V. Gamerman (egamerman@mail.ru)

Abstract. The purpose of this work is to analyse migration trends currently observed in the countries of Northeast Asia. In the context of the pandemic, and then the beginning of a tough phase of confrontation between Russia and Western countries, certain migration trends have changed. Comparative and historical approaches were used in the study to examine the features of the migration agenda in the region, as well as the recent transformation of migration flows in different countries. It was concluded that nowadays all countries of the region need migrants, create conditions to attract them and compete for labour resources.

Keywords: migration; Northeast Asia; Far East; China; Japan; The Republic of Korea; Taiwan

Введение

Современный Дальний Восток — это самый большой и наименее населенный федеральный округ России. При площади почти 7 млн км² (40,6 %

¹ © Гамерман Е. В. Текст. 2022.

площади страны) население составляет (по состоянию на 01.01.2020 г.) 8,1 млн чел. (5,5 % населения страны). Плотность населения 1,17 чел. / км² — самая низкая в России. Население округа увеличилось благодаря присоединению в 2018 г. Республики Бурятия и Забайкальского края. Однако, так или иначе, процесс депопуляции в округе продолжился. В 2019 г. население составляло 8,18 млн чел., а в 2020 г. — 8,16 млн чел.¹

Целью данной статьи является системный анализ современных миграционных тенденций, присущих странам Северо-Восточной Азии, а также российскому Дальнему Востоку (который, по мнению автора, является неотъемлемой, неотделимой частью региона) на современном этапе. Под Северо-Восточной Азией подразумевается регион мировой политики и экономики, в который включается Северо-Восточная часть Евразийского континента, или Северо-Западная часть Пасифики. К региону отнесены следующие государства и территории: Япония, Республика Корея, Китай и о. Тайвань, Монголия, а также территории российского Дальнего Востока.

В течение всей постсоветской истории российский Дальний Восток испытывает процессы депопуляции, вызванные целым рядом причин — удаленностью от центра страны, дороговизной товаров и транспортных услуг, низких уровнем развития всей социальной инфраструктуры, отсутствием перспектив и надежд на будущее. Не избежали проблем и угроз безопасности, связанных с миграционными процессами и демографии, и другие страны региона.

Основная часть

Российское государство на протяжении последних 20 лет принимает различные программы, концепции развития Дальнего Востока, придумав программы «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточную ипотеку». Однако все эти точечные решения не имеют сколько-нибудь серьезных стратегических последствий. Депопуляция продолжается, новое население из западных регионов такие меры привлечь не в состоянии. Все это скорее популизм и непонимание всего масштаба данного явления.

20 июня 2017 г., наряду с другими программами и концепциями, была принята Концепция демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 г. Стратегической целью демографической политики Дальнего Востока до 2025 г. в данном документе была указана стабилизация численности населения Дальнего Востока на уровне 8,3 млн чел. к 2020 г. и ее увеличение до 8,6 млн чел. к 2025 г. Первая цифра уже не достигнута, вторая — не будет достигнута через 3 года, т. к. для этого нет никаких предпосылок, и население в регионе продолжает уменьшаться (пусть и не так стремительно, как это было в 1990-е гг.).

Основными направлениями демографической политики на Дальнем Востоке были объявлены:

¹ Официальный сайт полномочного представителя Президента Российской Федерации в Дальневосточном федеральном округе. URL:<http://dfo.gov.ru/> (дата обращения: 20.04.2022).

- 1) повышение рождаемости, обеспечивающее воспроизводство населения;
- 2) снижение смертности и повышение ожидаемой продолжительности жизни;
- 3) сокращение миграционного оттока постоянного населения;
- 4) привлечение на территорию Дальнего Востока мигрантов на постоянное место жительства, их адаптация и интеграция в общество;
- 5) содействие переселению соотечественников, проживающих за рубежом, на постоянное место жительства в субъекты Российской Федерации, входящие в Дальневосточный федеральный округ;
- 6) создание условий и стимулов для закрепления молодежи на территории Дальнего Востока и привлечения молодых специалистов из других регионов¹.

Все это так и осталось на бумаге, пять из шести пунктов по-прежнему имеют отрицательную динамику. И лишь только переселение соотечественников сдвинулось с мертвой точки, в силу неблагоприятной ситуации на Украине.

Пандемия коронавируса, начавшаяся в 2020 г., не могла не сказаться на миграционных процессах. Они значительно снизились, в т. ч. и межрегиональная миграция. Однако по итогам 2020 г., в топ-10 регионов с наибольшим миграционным оттоком попали 5 регионов из Дальневосточного федерального округа, первые 2 строчки рейтинга за Чукоткой (–177,4 на 10 тыс. населения) и Магаданской областью (–67,4). На 5-м месте — ЕАО (–44,7), 7-е место занимает Хабаровский край (–40,5), 10-е место — Забайкальский край (–38,5)².

В течение последних 5 лет Китай проводит активную внешнюю политику. В частности, осуществляется процесс реализации целой серии проектов в рамках инициативы «Один пояс и один путь». И Дальний Восток, и Арктика находятся во внимании данного мегапроекта. В частности, уже несколько раз заходила речь о необходимости реализации «Полярного шелкового пути», а именно разработке пути из Китая через российскую Арктику в Европу со строительством всей необходимой инфраструктуры. Все это может дать очень серьезный импульс для экономического развития дальневосточных и арктических территорий. Такой возможностью необходимо пользоваться, т. к. это очень серьезные инвестиции, развитие, эффект от которых будет значительно выше, нежели от любых московских точечных программ. Однако при этом нельзя ни в коем случае забывать и про угрозы экологической, социетальной, человеческой безопасности в данных регионах. Только

¹ Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока // Правительство России. URL: <http://government.ru/docs/28228/> (дата обращения: 20.04.2022).

² Росстат назвал регионы с наибольшим оттоком населения // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2020/02/02/reg-pfo/v-rosstate-nazvali-regiony-s-samoj-bolshoj-ubyliu-naseleniia.html> (дата обращения: 20.04.2022).

концепция устойчивого развития в действии на Дальневосточных и арктических территориях.

Такие перспективы предполагают потребность в достаточно весомых трудовых ресурсах. Особенности современного российского законодательства не позволяют активно привлекать иностранную рабочую силу (за исключением стран Таможенного союза). Необходимо вносить коррективы в миграционное законодательство, значительно упрощая его в части трудовой миграции (особенно квалифицированной рабочей силы). Эти коррективы могут носить региональный характер (для Дальнего Востока и Арктики), или же быть приняты в целом для всей страны (что более правильно). Необходимо привлекать трудовых мигрантов из Индии, Китая, Бразилии, Ирана, ЮАР без ущерба для занятости местного населения, однако без мигрантов реализовать инфраструктурные объекты не получится.

Таким образом, можно сказать, что Дальний Восток сегодня является одним из самых активных регионов России по части миграционных процессов, причем как внутренних, так и внешних. Депопуляция региона, активно происходящая в 1990–2000-е гг., продолжается и сегодня, постепенно достигая критических отметок. Многочисленные программы, концепции, стратегии не достигают необходимого эффекта. Регион нуждается в очень серьезном количестве трудовых ресурсов. И как показала пандемия коронавируса, без мигрантов из других стран экономическое развитие Дальнего Востока невозможно. В условиях закрытия границы с Китаем в регионе начался кризис в целом ряде отраслей и трудовых профессий. На государственном уровне необходим пересмотр одновременно как демографической, так и миграционной политики. И если в первой нужно отходить от популизма и заоблачных целей, предлагать и реализовывать конкретные, реалистичные меры поддержки, стимулирования переезда граждан из других регионов и соотечественников, сохранения существующего населения; то вторая должна значительно облегчить возможность пребывания мигрантов на Дальнем Востоке и реализации ими трудовой деятельности, система трудовых квот уже достаточно давно нуждается в трансформации. Необходимо более интенсивно приглашать на работу квалифицированных специалистов из стран Юго-Восточной Азии (в первую очередь, из Вьетнама), из Индии, работников из Северной Кореи (соблюдение санкций в нынешних условиях не имеет никакого смысла), Китая, а также из Республики Беларусь. Российский Дальний Восток, несмотря на наличие целого ряда мегапроектов,строек, на самую высокую динамику развития в стране, по-прежнему остается наиболее депрессивным федеральным округом. Здесь самые высокие цены на потребительскую корзину, критично высокая стоимость транспортных услуг, низкое, по сравнению с западными регионами страны, качество образовательных услуг и сферы здравоохранения. Все это, плюс экстремально тяжелые климатические условия, приводит к тому, что миграционный отток населения

не останавливается, а желающих приехать на Дальний Восток не становится больше.

Нужны более радикальные и серьезные меры, нежели не достигающие целей законы «Дальневосточный гектар» и «Дальневосточная ипотека» (которая вообще имеет скорее обратный эффект). К подобного рода мерам, которые могли бы переломить ситуацию, следует отнести:

1) более низкий порог пенсионного возраста, нежели в других федеральных округах (возможно, даже ниже, чем был до закона 2018 г.);

2) размер пенсионного обеспечения должен быть минимум в 2,5–3 раза выше, чем в целом по стране (с условием обязательного проживания на данной территории);

3) бесплатный проезд на запад страны (минимум раз в год) для всех без исключения дальневосточных регионов и для всех категорий граждан;

4) создание современных медицинских центров с отправкой квалифицированных кадров из Москвы и Санкт-Петербурга;

5) 50 % надбавки к средней заработной плате по региону для всего населения трудоспособного возраста от государства, осуществляющего трудовую деятельность;

6) размер детских пособий, сопоставимый со средней заработной платой по региону;

7) бесплатные бюджетные места в лучших российских вузах, с обязательством вернуться на Дальний Восток и отработать на территории ДВФО не менее 10 лет;

8) бесплатное жилье за выслугу лет в отдельных, определяемых государством, сферах народного хозяйства;

9) бесплатные спортивные кружки, секции, по различным видам спорта, финансируемые государством.

Китай

Китайская Народная Республика является уникальным в своем роде государством. Помимо исторической преемственности и более чем двухтысячелетней истории (претендуя на звание древнейшей из ныне существующих цивилизаций), Поднебесная имеет самую большую численность населения в мире (около 1,4 млрд чел.). За 2018 г. население Китая увеличилось на 5,3 млн чел., тогда как за предшествующий 2017 г. увеличение составило 7,37 млн чел. Прирост населения замедлился почти на 2 млн чел., что связано с исчерпанием положительного эффекта отмены программы «одна семья — один ребенок», и в дальнейшем ситуация стала еще более усугубляться. В начале 2022 г. населения Китая составило 1 млрд 412,6 млн чел., увеличившись за 2021 г. всего на 480 тыс. чел. На данный момент темпы прироста населения Китая составляет всего 0,47 %. По этому показателю Китай находится всего лишь на 159-м месте в мире (т. е. фактически в самом конце списка государств).

Перенаселенность Китая имеет исторические корни, т. к. в этой стране всегда считалось, что «много детей — много богатства». И вплоть до образования КНР, т. е. до середины XX в., рождаемость держалась на уровне 5,68. А в 1980–2000 гг. рождаемость снизилась до уровня 1,75. И если раньше население Китая составляло 25 % от мирового населения, то уже в 2016 г. эта цифра снизилась до 18,5 %. Причина — «планирование рождаемости» Пекином, внедрение политики «одна семья — один ребенок» (с конца 1970-х гг.), что привело к гендерному дисбалансу, старению населения, сокращению численности трудоспособного населения.

Одной из проблем является серьезнейший гендерный дисбаланс. В силу восточноазиатских стереотипов, во время действия программы «одна семья — один ребенок» семьи старались сохранить мальчика (а от девочек старались избавиться). Это привело к тому, что на начало 2022 г. в Китае мужчин — 51,24 %, а женщин — 48,76 %. За кажущейся близостью цифр скрывается 34,9 млн мужчин, для которых статистика просто не оставляет возможности обрести свое семейное счастье. И это также серьезнейшим образом влияет на снижение рождаемости.

С 1 января 2016 г. политика «одна семья — один ребенок» была отменена. Однако, несмотря на короткий всплеск рождаемости, ситуацию исправить это решение уже было неспособно. Более 60 % семей не планируют рождение второго ребенка. В 2021 г. правительство пошло дальше и разрешило иметь трех детей. Одновременно был принят пакет мер по стимулированию рождаемости. Но, судя по статистике, это пока плохо помогает.

Дополнительным, весьма весомым фактором является то, что большая часть населения сосредоточена в восточных провинциях Китая, в долинах рек и на морском побережье (значительно более развитых экономически, нежели другие территории страны). Так, плотность населения на востоке страны составляет более 400 чел / км². При этом в Центральном Китае чуть более 200 чел., а в западных провинциях — менее 10 чел. Средняя плотность населения — 153 чел / км² [1].

В течение последних тридцати лет происходит процесс стремительной урбанизации, уменьшения численности сельского населения. Демографическая нагрузка в Китае является очень высокой. Перенаселенность и очень высокая плотность населения приводят к серьезным проблемам и угрозам безопасности — в сфере экологии, энергетики, продовольственной безопасности и др.

Помимо этого, в Китае остро стоит проблема старения населения. На начало 2022 г. в стране насчитывается свыше 230 млн чел. в возрасте старше 60 лет, что составляет 18,7 % от общего числа китайцев. В соответствии с анализом экспертов ООН, уже к 2025 г. численность населения в возрасте старше 60 лет будет в Китае около 300 млн чел. Демографическая политика, действовавшая в стране до 2016 г., привела к ситуации, которую специалисты описывают формулой «4–2–1». Суть формулы заключается в количестве человек в среднестатистических семьях в разных поколениях:

в старшем 4 чел., в среднем 2 чел. и в нынешнем поколении 1 чел. Это приведет в ближайшем будущем к очень серьезному давлению на всю социально-экономическую систему Китая. На это накладываются еще и серьезные экономические задачи, которые стоят перед государством. Для сохранения нынешних темпов экономического развития необходим ежегодный рост минимум в 6,5 %, что при данных демографических проблемах выглядит очень затруднительным. В Китае сохраняется относительно ранний возраст выхода на пенсию — 55 лет для женщин, 60 лет для мужчин. Одним из возможных выходов из сложившейся ситуации может стать повышение пенсионного возраста, однако современный Китай вряд ли пойдет на столь непопулярные среди населения меры. Еще одним вариантом решения проблемы является привлечение трудовых мигрантов в страну. И, судя по всему, именно по этому пути пойдет Пекин.

По результатам переписи населения Китая в ноябре — декабре 2020 г., в Китае проживало на постоянной основе 845,6 тыс. иностранцев. Это крайне незначительное число для потребностей Китая.

С одной стороны, пандемия коронавируса очень серьезно затормозила процесс трудовой миграции. Границы Китая закрыты, и есть основания полагать, что в ближайшие два года эта ситуация не изменится, а трудовых мигрантов сильно не прибавится.

С другой, Китай воспользовался ситуацией с ковидом и усиленно выстраивает государство с новым типом цифрового авторитаризма. Речь идет о системе социального рейтинга, введенной новым гражданским кодексом с 2021 г. Каждый гражданин получил базовые 1000 баллов и теперь их предстоит либо растратить, либо приумножить. 1050 баллов — образцовый гражданин, а ниже 600 — невозможно будет даже устроиться на работу [2]. Учитываются 3 сферы: государственная (налоги, счета, кредиты); общественная (правила дорожного движения, честность в работе, соблюдение норм рождаемости); поведение в сети Интернет (культуры общения, надежность размещаемой информации, покупки в интернет-магазинах). Есть информация, что понижение в рейтинге грозит и за недостаточную помощь пожилым родителям, что также, вероятно, призвано помочь государству в обеспечении людей пенсионного возраста.

Система сильно напоминает классические антиутопии, очень стройна и логична до тех самых пор, пока не встает вопрос о трудовых мигрантах. Если мы говорим о четком функционировании данной системы, то мигрантов нужно либо полностью выгонять из страны (чего Китай сделать на данном этапе развития не может), либо как-то тоже встраивать их в эту самую систему. Пока нет никаких нормативно-правовых актов и четких сигналов о скором их принятии, но надо полагать, что для мигрантов также появится своя система подсчета баллов и свой рейтинг, на который будут завязаны получение рабочих виз (не только рабочих), их продление, разрешение на постоянное проживание, право работать в той или иной отрасли и т. д. Это приведет к снижению числа желающих работать в Китае

даже за высокие гонорары. Однако Китай в ближайшие 10 лет, скорее всего, достигнет баланса между внутригосударственными мерами по преодолению демографического кризиса и привлечением внешних трудовых ресурсов.

Республика Корея

Политика привлечения мигрантов из других государств стала для южнокорейского государства жизненно важной. Каждый год растет число иностранцев, которые проживают и работают на территории Корейского государства. Только с 1997 по 2007 гг. количество таковых увеличилось в 2,75 раза.

Экономика Республики Корея является одним из наиболее уникальных примеров в мировой истории, и высокие показатели продолжают расти. На начало 2022 г. ВВП этой страны достиг уровня в 1638 трлн долл. (для сравнения в 1960 г. — 3,9 млн долл.). За 60 лет население страны выросло в 2 раза до 50 млн чел. Продолжительность жизни за тот же периода возросла с 55 до 83 лет. После экономического шока и рецессии, вызванной пандемией коронавируса, экономика начинает возрождаться. Так, в 2021 г. экономика по сравнению с 2020 г. выросла на 4 %.

Однако при этом демографическая ситуация в Республике Корея ухудшается. На 2019 г. коэффициент рождаемости в стране составил всего 0,92 % (что меньше, чем в Китае и Японии). Для поддержания численности населения нужен коэффициент 2,2 %, т. е. речь идет о депопуляции местного населения. Это так или иначе предопределяет необходимость в дальнейшем привлечении мигрантов [3].

Риски для Республики Корея заключаются еще и в том, что в стране очень высокий уровень наличия высшего образования у населения. Так, в возрастной группе 25–34 года у 70 % населения есть высшее образование. Риски данной ситуации заключаются в том, что выпускники университетов не соглашаются работать в сферах, которые получили название 3D — *dirty* (грязные), *dangerous* (опасные), *demeaning* (унизительные). Сеул испытывает острую нехватку специалистов именно низкой квалификации. Эту брешь можно заделать только с помощью мигрантов, и именно это заставляет власти страны менять миграционное законодательство.

В стране существует два типа программы для иммиграции: для специалистов высокого профессионального уровня и для неквалифицированной рабочей силы (всего представлено около 30 разных видов виз).

С 2007 г. функционирует система разрешений на работу (*Employment Permit System — EPS*). Ежегодно публикуются данные о количестве низкоквалифицированных иностранных рабочих, которых работодатели могут пригласить на свои предприятия. Кроме того, с 2000 г. в Южной Корее действует система «золотых карт» (*Gold Card System*), которая облегчает процедуру въезда для представителей интеллектуальных профессий. Однако количество таких специалистов в стране немного. В 2016 г. общее число

иностранных высококвалифицированных специалистов в стране составило 60 000 чел., включая 15 000 преподавателей иностранных языков и порядка 2 500 профессоров университетов. Это связано не со сложной визовой и миграционной системой, а с потребностями рынка труда Кореи, высоким уровнем собственных трудовых ресурсов, высокой потребностью низкоквалифицированных кадров [4].

Япония

Только в конце 2018 г. при непосредственной активной позиции кабинета министров и непосредственно премьер-министра Синдзо Абэ удалось провести через Парламент новые поправки к иммиграционному закону (*immigrationbill*) [5]. Они вводят две новые категории рабочих виз. Первая — для низкоквалифицированных рабочих, и она не предполагает разрешения для нахождения на территории Японии семьи работника. Вторая — для высококвалифицированных кадров, которая дает разрешение на проживание семьи (жены и детей) владельца визы. Наибольший дефицит в трудовых ресурсах ощущается в гостиничном бизнесе, медицине (низший персонал — сиделки, санитарки и пр.), строительстве (разнорабочие). Всего закон предусматривает возможность найма иностранных рабочих в 14 различных областях. При трудоустройстве в 12 из этих 14 отраслей срок пребывания иностранного работника жестко ограничивается пятью годами, и иностранцы не могут пригласить свою семью для проживания в Японии. Исключение только для 2 сфер — строительство и судостроение. В этих двух отраслях можно продлевать визу бесконечное количество раз, а по истечению 10 лет и сдачи экзамена на квалификацию получить постоянный вид на жительство. Однако в любом случае принятие данного закона, который вступил в силу с апреля 2019 г., можно считать победой кабинета министров и лично премьера С. Абэ.

Несмотря на острую нехватку рабочих рук, в стране бытует негативное отношение к мигрантам, которые считаются главным источником для подъема уровня преступности и размывания культурных ценностей. На данный момент большинство иностранных рабочих находятся в стране Восходящего солнца либо по студенческим визам, либо по визам для обучения профессии. По состоянию на начало 2018 г. в стране проживало около 2,5 млн иностранцев (по данным Министерства Юстиции Японии), из них 28,5 % (или более 730 тыс.) — китайцы; 17,5 % — корейцы (из Республики Корея, 450 тыс.); 10,2 % — вьетнамцы (262 тыс.) и 10,1 % — филиппинцы (260 тыс.). Причем наибольший рост показала вьетнамская диаспора, а филиппинская, наоборот, продемонстрировала отток населения из Японии [5]. Благодаря принятию новых поправок к закону (и, скорее всего, подзаконных актов, которые будут приняты в дальнейшем) Япония рассчитывает привлечь не менее 350 тыс. новых рабочих, что значительно сократит потребности в трудовых ресурсах (но не снимет окончательно проблему). В целом, можно сказать, что происходящие в Японии на данный момент

изменения в миграционной политике по-настоящему революционные и приведут к дальнейшим социальным и социально-экономическим сдвигам в этой стране.

В 2022 г. государственные власти Японии планируют расширить список сфер занятости для иностранных рабочих, при трудоустройстве в которые срок их пребывания не будет ограничен пятью годами, и они получат возможность приглашать к себе членов семьи. Данная мера запланирована для 13 из 14 отраслей. Единственным исключением останется наем сиделок на долгосрочный период. Данные запланированные послабления вызваны очень острой нехваткой рабочих рук, продолжающимся старением населения. Закон, вступивший в силу в 2019 г., не решил существующую проблему, а только наметил дальнейшие шаги к ее решению. Данная мера, если она будет реализована, позволит привлечь в страну не менее 300 тыс. дополнительных рабочих рук. И для Японии это очень весомые цифры, которые позволят, наконец, снять остроту проблемы.

По состоянию на начало 2021 г. в Японии проживало 122,2 млн чел. За последние пять лет население сократилось на 868 тыс. чел. И это не новая тенденция — предыдущие пять лет была та же ситуация. Если по результатам переписи населения 2015 г. Япония находилась на 10-м месте в мире по количеству населения, то по результатам переписи 2020 г. — уже на 11-м (пропустив вперед Мексику). Населения стремительно стареет, и происходят процессы депопуляции, как в соседней Республике Корея.

Тайвань

На начало 2018 г. население острова Тайвань составляло около 23 млн чел. Однако из-за высокого уровня жизни остров сталкивается с большинством демографических и социальных проблем развитых стран — старением населения, низкой рождаемостью, нежеланием большинства населения выполнять непрестижную и малооплачиваемую работу. По данным Министерства труда Тайваня, в 2018 г. на острове трудилось примерно 676000 мигрантов (или 2,9 % от населения острова) при общей численности мигрантов в 725000 на начало 2018 г. и 750000 на начало 2019 г. (по данным Национального иммиграционного агентства Министерства Внутренних дел Тайваня). Примерно 250 тыс. мигрантов работают в качестве домашней прислуги, еще 26 тыс. по официальным данным работают на рыболовецких судах (однако, по данным США, таковых на самом деле 160 тыс., т. е. 130 тыс. из них являются нелегалами). Остальные трудятся в различных отраслях производства (в т. ч. производство смартфонов), и в качестве низшего персонала медицинских учреждений.

Основная масса мигрантов — это выходцы из соседних стран Юго-Восточной Азии. Первое место занимают выходцы из Индонезии: на начало 2018 г. их было на Тайване около 250 тыс. (из них 186 тыс. женщин), на втором месте — выходцы из Вьетнама, 206 тыс. (здесь 121 тыс. мужчин и 85 тыс. женщин), третье место — Филиппины, 152 тыс. (при 93 тыс.

женщин из них) и четвертое место — Таиланд, 63 тыс. (50 тыс. мужчин). То есть выходцы из 4-х стран Юго-Восточной Азии составляют на Тайване более 92,5 % всех мигрантов. Подавляющее большинство женщин среди выходцев из Индонезии и Филиппин объясняется предпочтением данных национальностей (и гендера) для работы в качестве домашней прислуги и сиделок с больными и престарелыми людьми [6].

Однако за последние несколько лет ситуация сильно изменилась. За 2018–2021 гг. количество мигрантов из Китая и стран Юго-Восточной Азии значительно выросло. Так, на начало 2022 г. количество мигрантов составило 541 тыс. чел. Их еще называют новые иммигранты, т. к. по большому счету более 95 % населения острова являются мигрантами (имеют ханьские корни), в отличие от местного аборигенного населения. На данный момент на острове проживает 23,487 млн чел., из них 2,6 % составляют новые иммигранты.

Одной из основных проблем, с которыми сталкивается Тайвань (помимо нехватки рабочей силы), является ущемление прав мигрантов, невыполнение заключенных договоров, невыплата (или лишь частичная выплата) заработной платы, чрезмерная эксплуатация. Особенно сильно это проявляется среди нелегальных мигрантов.

Руководство Тайваня, и в частности президент Тайваня Цай Иньвэнь, всячески поощряют миграционные процессы, т. к. значение труда мигрантов сложно переоценить (например, мигранты снимают нагрузку в социальных и медицинских учреждениях острова, которые, по сути, не справляются с уходом за престарелыми людьми в силу того, что местное население не идет на такие виды работ). Однако очень незначительное внимание властями уделяется именно вопросу соблюдения прав мигрантов, которые активно нарушаются местным населением [6].

Заключение

Таким образом, ни одна из стран региона не избежала проявлений хотя бы отдельных аспектов миграционных процессов. Однако для каждой из них характерны свои особенности, отличительные черты, которые в совокупности влияют на общее состояние региональной безопасности. Так, на территории российского Дальнего Востока преобладают тенденции оттока населения в рамках внутривосточной миграции. При этом весь постсоветский период данные территории демонстрируют положительное сальдо в рамках международной миграции. Дефицит трудовых ресурсов на Дальнем Востоке также необходимо восполнять. И единственный путь — привлечение мигрантов из стран Азии.

Китай традиционно принято считать страной с избыточным населением, и когда говорят про китайскую миграцию, имеют в виду переселение китайцев в другие страны. Однако старение населения, необходимость экономического роста и недалековидная демографическая политика привели к тому, что в последние несколько лет Китай начал борьбу

за высококвалифицированных мигрантов. Пекин испытывает острый дефицит трудоспособного населения, а переломить негативные демографические тенденции внутри страны пока не представляется возможным. В ближайшем будущем Китай будет привлекать новых мигрантов и встраивать их в свою новую социальную систему, с рейтингами и штрафными санкциями.

Республика Корея, так же, как и Тайвань, и Япония сталкиваются с проблемами большинства развитых стран — старением населения, а также нежеланием местного населения из-за относительно высокого уровня жизни заниматься непрестижным трудом. Для Японии и Республики Корея характерна в последние годы депопуляция населения. При этом решают эту проблемы они по-разному. Тайвань является наиболее приспособленным к миграционным процессам в силу того, что само общество в целом является мигрантским.

Следует отметить, что абсолютно все страны региона включились в региональные и международные миграционные процессы, при этом стараются решить свои экономические и социальные проблемы и по возможности минимизируя исходящие от миграции риски и угрозы безопасности.

Список источников

[1] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development. National Bureau of statistics of China // National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed on 20.04.2022).

[2] Law of the Peoples Republic of the China on Control of the Entry and Exit of Aliens // China's Leader in Online Legal Research. URL: www.lawinfochina.com/display.aspx?id=61&lib=law (accessed on 20.04.2022).

[3] International Migration Statistics // Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/survey/Outline/8/3/index.static> (accessed on 20.04.2022).

[4] International Migration Outlook 2017 // OECD iLibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (accessed on 20.04.2022).

[5] Japan's Historic Immigration Reform: A Work in Progress. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06004/japan%E2%80%99s-historic-immigration-reform-a-work-in-progress.html> (accessed on 20.04.2022).

[6] Foreign Residents by Nationality Ministry of the Interior National Immigration Agency Republic of China (Taiwan) // National Immigration Agency Republic of China. URL: <https://www.immigration.gov.tw/5475/5478/141478/141380/152113/> (accessed on 20.04.2022).

References

[1] Statistical Communiqué of the People's Republic of China on the 2018 National Economic and Social Development. National Bureau of statistics of China // National Bureau of Statistics of China. URL: http://www.stats.gov.cn/english/PressRelease/201902/t20190228_1651335.html (accessed on 20.04.2022).

[2] Law of the Peoples Republic of the China on Control of the Entry and Exit of Aliens // China`s Leader in Online Legal Research. URL: www.lawinfochina.com/display.aspx?id=61&lib=law (accessed on 20.04.2022).

[3] International Migration Statistics // Statistics Korea. URL: <http://kostat.go.kr/portal/eng/survey/Outline/8/3/index.static> (accessed on 20.04.2022).

[4] International Migration Outlook 2017 // OECD iLibrary. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/international-migration-outlook-2017_migr_outlook-2017-en (accessed on 20.04.2022).

[5] Japan`s Historic Immigration Reform: A Work in Progress. URL: <https://www.nippon.com/en/in-depth/a06004/japan%E2%80%99s-historic-immigration-reform-a-work-in-progress.html> (accessed on 20.04.2022).

[6] Foreign Residents by Nationality Ministry of the Interior National Immigration Agency Republic of China (Taiwan) // National Immigration Agency Republic of China. URL: <https://www.immigration.gov.tw/5475/5478/141478/141380/152113/> (accessed on 20.04.2022).